

Асадов Эдуард

10.06.04

О совести, о чести, о любви к Родине

Эдуард Асадов: «Я верил в социализм, но не верил в коммунизм»

независимая 2004г. - 10 июня - с.3. - (Приложение НГ Ex Libris 1 2004г.)

Лев Рудский

Эдуард Асадов давно перестал уже быть просто поэтом или писателем. Он – символ. И жизнь его – пример мужества и трагедии – и стихи – вышли за пределы литературы. Асадов – поэт народный, его стихи переписывают в тетрадочки, размещают на сайтах в рубрике «Мои любимые стихи» (обычно идет или до, или после рубрики «Мои стихи»). Народ прав. Он сам выбирает то, что ему нужно и близко. Что «трогает». А ведь у Асадова выходили и интересные мемуары. Поэт ушел на 81-м году жизни, оставив после себя более 60 книг поэзии, прозы, воспоминаний, переводов общим тиражом чуть ли не в три с половиной миллиона экземпляров. Публикуемое интервью, вероятно, последнее, которое он дал в своей жизни.

- Эдуард Аркадьевич, расскажите о своей юности...

– Помните, в одной песне есть такие слова: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Это и обо мне тоже. Родился я 7 сентября 1923 года в Туркмении, в городе Мары, известном своей гидроэлектростанцией, вырос на Урале, кончил школу в Москве, немало прошел огненных верст по дорогам Великой Отечественной войны. Мои родители были участниками Гражданской войны, в мирное время преподавали в школе математику.

Чтоб снять и этот вопрос, скажу, что по национальности я – армянин. Мой дед Иван (по-армянски Аванес) Калустович Курдов был известным человеком. В юности он два года проработал секретарем у Николая Гавриловича Чернышевского в Астрахани, когда тот вернулся из Вилейской ссылки. Именно по совету Чернышевского дедушка из Астрахани переехал в Казань и поступил учиться на естественный факультет Казанского университета. За свои откровенные революционные взгляды и за участие в знаменитой студенческой сходке вместе с другими студентами, среди которых оказался и Владимир Ульянов, был исключен из университета. Потом моего дедушку восстановили в университете, и он успешно окончил его. Работал врачом на Урале, сначала в Перми (там моя мама родилась), потом в Свердловске.

Поэт Эдуард Асадов – Герой Советского Союза.

не такая, как сейчас. Сегодня объяви войну, не так уж много пойдут записываться добровольцами. А мы пошли. В армию берут с 18 лет, а мне было 17. Я пошел во Фрунзенский райком комсомола с просьбой отправить меня добровольцем на фронт. Вечером пришел в райком, а утром уже был в поезде. Попал я в секретные войска, оснащенные новым видом оружия – гвардейскими минометами, или, как их называли, «катюшами». Я стал наводчиком орудия. Под Москвой, на станции Алабино, формировались первые четыре полка гвардейских минометов. Наш 50-й отдельный гвардейский дивизион направили под Ленинград. Это были пер-

ульянова, находившегося в пяти километрах от нашей, снаряды кончились. Приняли решение собрать снаряды и как можно скорее доставить их на батарею Ульянова, чтобы дать залп по позициям противника и идти в наступление. Иначе погибнет много наших солдат. Ночи в мае короткие. Не успели мы погрузить снаряды в машину, как уже рассвело. Но другого выхода не было. И я принял решение ехать. Тяжело груженная снарядами машина еле двигалась. Когда мы поднимались в гору, все вокруг залило яркое солнце. По нашей машине немцы открыли шквальный огонь. Ее всю изрешетили. Потом налетели «юнкерсы». В нас не попали, но доро-

Это были последние бои за освобождение Севастополя. Я был ранен 4 мая 1944 года, а вскоре освободили Севастополь. – Ранение оказалось тяжелым? – Я долгие месяцы находился в госпитале, там узнал, что потерял зрение. Но все время, как и на фронте, продолжал писать стихи. Это меня и спасало. Однажды решил послать их Корнею Ивановичу Чуковскому. Он прочитал. Я даже не думал, что он мне ответит, а он прислал письмо: «Дорогой Эдуард Аркадьевич! Я прочел вашу рукопись и могу сразу сказать, что никогда, когда говорю о творчестве, не кривлю душой. А в вашем случае тем более». И дальше он меня раздолбал так, что от моих стихов не осталось камня на камне. Вдребезги меня разбил. Но в конце была приписка: «И все-таки, несмотря на все вышеизложенное, я с полной ответственностью могу вам сказать, вы – истинный поэт. Ибо у вас есть то поэтическое дыхание, которое присуще только поэту. Ваш Корней Чуковский». Эти слова были для меня дороже всего. И я твердо решил поступать в Литературный институт имени Горького.

Вы встречались с Чуковским? – Да. Несколько раз с ним виделся в Доме творчества в Переделкино. Корней Иванович познакомил меня с Алексеем Сурковым, который тогда был главным редактором журнала «Огонек». Чуковский сказал: «Я вам передаю молодого поэта Эдуарда Асадова, смотрите, судите, что вы скажете, то и будет». Он прочел мою рукопись и сказал: «Оставьте, я поколдую». И поколдовал. Тоже меня критиковал со страшной силой. Несколько месяцев я к нему ходил. А потом он сказал: «Ну, теперь можно поговорить о профессиональной печати». Он меня напечатал первый раз в жизни в «Огоньке» 1 мая 1949 года. Это был настоящий праздник. В тот день на Кропоткинской улице, около До-

ма ученых, в газетном киоске я купил тот первомайский номер. И почувствовал себя счастливым. Мимо меня шли демонстранты со знаменами, с оркестром, а я стоял на углу и сердце мое пело.

– В Литинституте вам довелось учиться с будущими «классиками»...

– О да, у нас был «звездный» выпуск. Это – Евгений Винокуров, Григорий Бакланов, Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Юлия Друнина, Сергей Баруздин, Наум Коржавин (тогда он носил фамилию Мандель), переводчик Наум Гребнев. Курсом старше учился Расул Гамзатов. Все они потом стали известными мастерами слова.

– Поговорим о женщинах, о любви. Важны ли они в вашей жизни?

– О, женщины! Я всегда относился и отношусь к ним прекрасно. Потому что женщины в моей жизни сыграли большую роль. Когда я ушел на фронт, у меня не было любимой девушки, я еще не успел влюбиться. А когда был ранен, 26 суток находился в сознании, то без сознания. Состояние было ужасное. Ко мне подходит сестричка и спрашивает: «Что есть будем, лейтенант?» Я отвечаю, что есть мне и жить теперь ни к чему, кому я нужен... А она говорит: «Как кому? Мне нужен! Запомни, меня зовут Оксана Иваненко. Когда тебя подлечат, не важно, будет у тебя зрение или нет, приезжай в город Саки и найди меня. И я выйду за тебя замуж». Я думаю, что она это говорила, чтобы подбодрить меня. Но мне эти слова были как бальзам на душу. Потом я лежал в госпитале в Москве, ко мне приходили бывшие мои соученицы, девушки, которых я знал. И дальше произошло чудо. Постепенно, в течение года шесть девушек предложили мне руку и сердце.

– То есть не вы им, а они вам?

– Я не хотел этого делать, потому что знал о своей слепоте и никаких чудес врачи не обещали. А они, девочки, не испугались. Это было для меня огромным духовным зарядом. Потому что я в себя поверил: если тебя любят, ты можешь свою судьбу повернуть совершенно иначе. Вскоре я женился. Родился сын, но семейная жизнь как-то не сложилась. И мы расстались. Через некоторое время совершенно случайно я познакомился со своей будущей второй женой. Дело было так. Пятерых молодых поэтов пригласили выступить во дворце культуры МГУ, на Стромынке. И вот когда мы там собрались, входит молодая женщина и говорит: «Я – артистка Москонцерта Галина Разумовская, буду тоже здесь выступать. Вы могли бы меня пораньше пропустить, потому что я сейчас улетаю в Таш-

кент? Я спрашиваю: «А какая у вас программа?» Она отвечает: «Женщины в борьбе за мир». Я говорю: «А почему только женщины, мужчины-то куда подевались?» В общем, пошутили, посмеялись. А когда начался вечер, я выступил со своими новыми стихами «Трусиха», «Они студентами были». Она стояла за кулисами и слушала, потом подходит ко мне и говорит: «Вы не могли бы ваши стихи прислать мне в Ташкент, на Главпочтамт, до востребования?» Я отвечаю, что с удовольствием. Меня тогда еще актеры не читали. И я послал ей эти стихи, она мне оттуда позвонила и сказала, что прочитала их на публике, встречали великолепно. После ее возвращения в Москву мы познакомились поближе. Галина Разумовская сначала включала мои стихи в свои программы, а потом уже стала полностью готовить программы из моих стихов. Через некоторое время мы начали вместе ездить по всей стране с этими программами. Выступали в крупнейших залах Киева, Ташкента, Днепропетровска, Тбилиси, Еревана, Баку. С Галиной Валентиновной мы были женаты 36 лет. Она очень много хорошего для меня сделала. К сожалению, она уже умерла, внезапно, в течение полчасика, от сердечного приступа.

Я могу сказать только одно: как бы ее ни качало по ухабам и ямам, все равно наша литература – великая литература. Она все равно снова поднимет паруса и будет одной из лучших в мире

при советской власти верил в социализм, но не верил в коммунизм. Почему? Потому что мне никто ни разу не объяснил, что же это такое. Я понимал и сейчас понимаю: от каждого по способностям, каждому по труду. А вот что такое: от каждого по способностям, каждому по потребностям, – я не понимал и до сих пор понять не могу. Кто определит эти потребности? На всех не хватит ни икры, ни мехов. Мне объясняли еще в Литинституте: у людей будет такое сознание, что они не будут брать ничего лишнего. Будут! Они брали еще во времена Гомера и сейчас будут. Человек не меняется.

– Как вам живется материально?

– Нормально, я же печатаюсь, книги выходят. Мне особо ничего не нужно. Работа – это моя сила, мой крылья, моя дорога, это все мое.

– Я вижу, что вы печатаете на пишущей машинке?

– Да, на обычной машинке. С 1947 года. Печатаю совершенно спокойно, как машинистка. Правда, мне надо, чтобы кто-то потом прочитал, я ведь могу опечатку сделать. Я и письма пишу. За эти годы я сменил уже несколько машинок, но никогда с ними не расставался.

– А кто же вам читает?

– Сейчас Галина Федоровна. Мы с ней уже почти шесть лет. Она – хороший, сердечный, добрый человек. До нее читали другие люди. И не только мои стихи или прозу, но и книги, газеты. Каждый день я слушаю радио. Так что всегда нахожусь в курсе дела. Иначе как бы я мог работать? Я должен чувствовать пульс моей страны, моего народа. Это не громкие слова, это так и есть.

– Ваши стихи очень лиричны. Может быть, поэтому их любят и почитавшие виды люди, и молодежь нежного возраста?

– Я пишу о любви, о дружбе, о настоящих отношениях, о совести, о чести, о любви к Родине. Наверное, многим этого не хва-

тает. Сейчас так много пошлости, чернухи. Но я все равно стою на том, на чем стоял. В нашей стране нашлось немало людей, которые за последние десять с лишним лет очень легко помнили свои убеждения и взгляды. Я верую в какие-то ценности, которым никогда не изменю. Я и

вали случаи, когда я чувствовал: что-то не так или не то. Но слишком большого значения этим знакам я не придаю. Стараюсь больше думать о своих поступках: верны ли они? Если да, то никакое предчувствие меня не остановит.

– Можете ли вы прогнозировать развитие российской литературы, поэзии?

– Я могу сказать только одно: как бы ее ни качало по ухабам и ямам, все равно наша литература – великая литература. Она все равно снова поднимет паруса и будет одной из лучших в мире. Это жизнь не раз подтверждала. Вот перевернули всю нашу политику, экономику, больше десяти лет наш книжный рынок заполняли всякой порнухой, непристойностью. Все кинулись, хватили, глотали. А потом наелись и сплюнули. И как-то от этого отошли, стали искать настоящую литературу, настоящие книги. И у меня лет семь ничего не печатали. Кстати, я ни по каким издательствам никогда не хожу. Ко мне сами обратились издатели и стали снова публиковать мои стихи. И я вновь вошел в литературный строй, продолжаю говорить и писать то, во что верую сам.

– Прочтите, пожалуйста, последние из написанных вами стихов...

– Это обязательно? Может, не надо? Ну, да ладно...

Не знаю, где концы, и где начала, И по каким путям еще пройду. Но прожил в мире, кажется, немало. Но до сих пор еще чего-то жду...■

Что такое: от каждого по способностям, каждому по потребностям, – я не понимал и до сих пор понять не могу. Кто определит эти потребности? На всех не хватит ни икры, ни мехов

– Когда вы написали свое первое стихотворение?

– Мы тогда жили в Свердловске. Именно там, когда мне было лет восемь, я и начал писать стихи. В 15 лет вступил в комсомол. В 1938 году мама вместе со мной переехала в Москву, где я и окончил школу. Наш выпускной бал проходил 14 июня 1941 года. На школьном балу мы танцевали под песенку, в которой были слова:

Веселья час и боль разлуки
Хочу делить с тобой всегда.
Давай пожмем друг другу руки,
И в дальний путь на долгие года...

Мы еще не знали, что вскоре нам предстоит уйти в дальний путь, кому на долгие года, а кому навсегда.

Через неделю началась война. Тогда обстановка в стране была

вые «катюши», которые приехали на Ленинградский фронт. И первый залп мы дали 19 сентября 1941 года.

Через год меня послали учиться во 2-е Гвардейское артиллерийско-пулеметное училище в Омск. Там за 6 месяцев мы проходили двухлетнюю офицерскую подготовку. В звании гвардии лейтенанта меня снова отправили на фронт. Теперь я попал на 4-й Украинский фронт. Запорожье, Мелитополь, Аскания-Нова, Перекоп...

Бои были очень жестокими. Местность, на которой стояла моя батарея, была полностью открытой, ни одного дерева. Несмотря на это, мы еще некоторое время держались. Но вскоре немцы мою батарею разбомбили. Однако снаряды остались. А на батарее много однополчанина

гу разбомбили. Я вышел из кабины и пошел впереди машины, показывая шоферу Акулову дорогу среди воронок. Так мы преодолели подорожную... И вдруг прямо передо мной разорвался снаряд, меня отбросило в кювет и я на несколько секунд потерял сознание. Пришел в себя оттого, что меня кто-то перевязывает. Шофер говорит: «Я сейчас отвезу вас в госпиталь». Я отвечаю: «Никакого госпиталя, на огневую, к Ульянову». И мы все-таки сумели прорваться, успешно завершить операцию, добравшись до батареи Ульянова. Когда мы подъехали, он подбежал к машине со словами: «Асадов приехал, молодец, снаряды привез». Открывает дверь, а я ему на руки и свалился, потерял сознание. Когда давали залп, я уже ничего не слышал, меня везли в госпиталь.

– Вы встречались с Чуковским?

– Да. Несколько раз с ним виделся в Доме творчества в Переделкино. Корней Иванович познакомил меня с Алексеем Сурковым, который тогда был главным редактором журнала «Огонек». Чуковский сказал: «Я вам передаю молодого поэта Эдуарда Асадова, смотрите, судите, что вы скажете, то и будет». Он прочел мою рукопись и сказал: «Оставьте, я поколдую». И поколдовал. Тоже меня критиковал со страшной силой. Несколько месяцев я к нему ходил. А потом он сказал: «Ну, теперь можно поговорить о профессиональной печати». Он меня напечатал первый раз в жизни в «Огоньке» 1 мая 1949 года. Это был настоящий праздник. В тот день на Кропоткинской улице, около До-

Всю жизнь за машинкой.

Фото автора